

© 2001 г., ЭО, № 6

Н.П. Лобачева

ИЗ ИСТОРИИ ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДОВ: ОГОНЬ В СВАДЕБНОМ КОМПЛЕКСЕ ХОРЕЗМСКИХ УЗБЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕРЕДИНЫ XX В.)

Узбеки Хорезма столетия назад стали мусульманами суннитского толка и продолжают быть таковыми в настоящее время. Тем не менее в их духовной жизни встречаются явления, которые не присущи каноническому исламу. Одно из них – вера в сакральную силу огня, существовавшая вплоть до 50–60-х годов XX в. в самых разнообразных ситуациях и бытовой практике. В семейно-бытовых обрядах, специальных очистительных церемониях, в приемах религиозного лечения, в частности в шаманстве, – всюду огонь использовался в качестве обладателя особых сверхъестественных свойств.

Большинство случаев такого отношения хорезмских узбеков к огню прокомментировано в фундаментальном труде Г.П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма». Коснулся он и обряда, на котором мы хотим остановиться особо. Это, как его называют иногда в этнографической литературе, обряд очищения огнем невесты при переезде ее в дом будущего мужа. По поводу этого обряда Г.П. Снесарев пишет: «...вопрос о его происхождении остается пока открытым – что этот обряд не связан с исламом, не вызывает никакого сомнения, но в какой степени его можно связать с зороастризмом (а такая тенденция в литературе имеется) – пока не ясно. Этот обряд мог прийти с более поздними волнами тюркоязычных народов. Во всяком случае было бы весьма интересным его картографирование»¹. Прав ли Г.П. Снесарев или нет, без рассмотрения фактических данных, касающихся упомянутого обряда, определить невозможно. Обратимся к полевым материалам 50–60-х годов XX в., собранным во многих районах Хорезмской обл. Узбекистана, а также в ряде районов Каракалпакии и Туркмении, прежде входивших в ареал древнехорезмийской цивилизации².

У узбеков Хорезма, как и у других народов Среднеазиатско-казахстанского региона, до сих пор идеалом является многодетная семья. В связи с этим всему, что имеет отношение к браку, в частности к свадебной церемонии, придается большое значение. Один из ответственных этапов свадебного обряда – переезд невесты (или новобрачной, если религиозный обряд бракосочетания – *никох*^{*} – происходил в ее доме) в дом жениха (или новобрачного). Этот момент сопровождается рядом действий, которые считаются оберегающими. На келин-арбе (арба невесты), на которой и осуществляется переезд, невесту сажает за ритуальную занавеску (*кушайна*) и покрывают ритуальной накидкой (*паранджа* и др.) либо большим платком. Вместе с невестой на келин-арбе (или машине) обязательно везут зажженный светильник – *чирог* (тепелер лампу). Перед домом жениха арба непременно переезжает через огонь (*ут*) – небольшой костер.

Описанные действия информаторы отмечали на всей территории Хорезмского оазиса, несмотря на то что узбеки из северных и южных областей Хорезма несколько

* Местные термины приводятся в русской транскрипции.

различаются по своему происхождению: в этногенезе и культуре первых присутствует много кипчакских элементов. Эти различия нашли отражение и в свадебных обычаях и обрядах указанных групп населения³.

Сообщения о церемонии переезда невесты в дом жениха разнятся степенью полноты, но все содержат отмеченные выше ключевые моменты. Таким образом, вырисовывается следующая картина. Ко времени завершения ритуальных действий в доме невесты к его воротам подъезжал жених, чтобы сопровождать свадебный поезд невесты к своему дому. Во дворе уже готова арба с кушаяна. Мать поручала невесту двум *янга* – ее наставницам (в одних сообщениях говорится о трех *янга*, в других – об одной), которые, идя по обе стороны от невесты, сопровождали ее от дома до арбы (машины). Вместе с ними шла и старая женщина, одевавшая невесту в свадебное платье (*никох куйлак*). Невесту сажали на арбу (она должна была ступить на нее правой ногой) и зажигали *тош чирог* (каменный светильник), в некоторых местностях *кори чирог* (чугунный светильник), теперь – лампу, которая должна зажечься с одной спички. Огонь в светильнике (лампе) на протяжении всего пути до дома жениха ни в коем случае не должен гаснуть.

Забегая вперед, скажем, что светильник (лампу) в зажженном виде вносили в помещение молодых одновременно с входом туда невесты. Он должен гореть 2–3 дня. Если будет так – очень хорошо. Если же огонь погаснет по дороге – это не к добру: как считают в Ханки, кто-то из молодых умрет. В Ханки лампу не гасили в течение трех дней, старались, чтобы она горела до *никоха*, который здесь мог совершаться спустя несколько дней после свадьбы⁴. По сведениям же из Шаббазского р-на Каракалпакии, внесенная в комнату молодых лампа должна гореть по вечерам в течение 40 дней, пока не кончится сорокадневье (*чилля*) – период, когда молодой особенно следовало опасаться причинения вреда. Кстати, те же 40 дней должна оберегаться и роженица. Ей не положено спать одной в комнате, там на всю ночь в течение этого срока зажигают огонь, выходить в темноту она должна только с огнем. Молодой также нельзя выходить вечером из дома без огня. Помещение молодых предварительно окуривается, для чего во время *никоха* жгут кусочки бумаги (*никох кийишда кескен когазни*) с шерстью от шапки *ешуллы* (пожилой уважаемый мужчина) с эсбани (не везде). И на церемонии обрезания (*суннат-той*) в комнате, где находился прооперированный ребенок, в течение трех дней с вечера до утра горел огонь.

В свадебной арбе, кроме невесты, как сообщили в Хиве, впереди сидят: *ходим* (руководительница обрядовой жизни общины) с *дастарханом* (скатертью), *янга* с лампой (в некоторых районах лампу держит сама невеста) и *чиконлар* (подружки невесты). В Хазараспе лампу, а для жениха еще чайник и пиалу держит в руках *янга*. В этой же арбе везут приданое невесты, в которое входят: сундук (*сандык*), постельные принадлежности – одеяла (*курпа*), матрац (*душе*), подушки (*теке*), кумган и чирог. В Ханки о составе приданого получены более конкретные данные: 9 одеял, 9 подушек (*тах*а), 9 матрасов (*тужак*), 1 кумган, 1 самовар, 1 чайник, 1 пиала (*каса*), 1 лампа, 9 ковриков (*наки-киез*), сундук (*аржа*) с одеждой.

Как уже говорилось выше, около дома жениха свадебная арба (машина) с невестой обязательно переезжает через небольшой костер. В разных местностях этот переезд имеет свои особенности. По сведениям из Куна-Ургенча, костер разжигают в 40 шагах от ворот дома жениха. Через него переезжает не только арба с невестой, но и весь свадебный поезд. В Кипчаке невесту встречает ее посаженная мать (*мурундук-ене*). Она же разжигает костер около дома жениха, через который переезжает келин-арба. В Ханки отмечено два варианта этого действия: перед въездом в ворота дома сам жених зажигает огонь, через который они перешагивают вместе с невестой. Если невесту перевозят на машине, жених трижды объезжает ее верхом на лошади, а затем машина переезжает через костер. В Хазараспе в паре со свадебной арбой перескакивает через огонь и жених верхом на лошади. В Хиве же считают, что переезжать через огонь надо только келин-арбе с невестой.

Несмотря на некоторые различия в проведении этого обрядового действия в разных местностях Хорезма, ясно, что невесте необходимо пройти через огонь. Ответы на вопрос: зачем нужно переезжать через костер? варьировали, но в целом суть их сводилась к тому, что это необходимо для избавления от зла, так как при прохождении через огонь всякое зло сгорает; для очищения; это оберег, наряду с ответом: «Таков обычай», были следующие: в Хиве – *Кеч ахмали юрис булмади, пир учун* («Не делать этого невозможно, совершается для пира»). В Кипчакском р-не Каракалпакии полагают, что через костер переезжают для того чтобы очиститься, избавиться от влияния джинов. В Шаватском р-не Хорезмской обл. Узбекистана считается, что пройти через огонь надо для предотвращения сглаза. Здесь же получен ответ: «костер, через который переезжают арбы, нужен, чтобы избавиться от любого вреда» (*хар хил зиёндан*). По мнению жителей Ханки, когда у ворот дома разжигают костер и через него переезжает келин-арба, то при этом сгорает всякое зло. Там же было получено и другое объяснение необходимости данного действия. Когда невесту везут к жениху под кушаюна, то бездетные женщины часто стараются перейти дорогу перед арбой (*йулини кесаб чикадилар* – перерезают дорогу), и костер перед въездом в ворота дома жениха зажигают как оберег от такого случая. Таким образом, переезд через костер предохраняет невесту от большого несчастья – перехода к ней бесплодия от бездетной женщины (*чилля гелинга кучмасин деб*). С этой же целью, когда невеста, сойдя с арбы, идет к дому жениха, стараются встать по обе стороны от нее, чтобы и в этот момент дорогу ей не перешла бездетная женщина. В Южном Хорезме невесте, когда она сходит с арбы, обязательно подстилают под ноги шубу (*постун*), принадлежащую семье жениха. В комнате молодых им дают посмотреть в зеркало и сажают на колени детей многодетной женщины.

Десятилетие спустя (1968 г.) в Ханки обряд переезда через огонь опять объяснили необходимостью очищения. Кроме того, добавили, что жених берет невесту с машины на руки и несет в дом, в комнату молодых. Об аналогичном обычае в Янгиарыкском р-не Хорезма в том же году было сказано, что после переезда через огонь жених снимает невесту с арбы или машины и несет в дом, где ее сажают за *кошегене* (кушаюна). 60-е годы XX в. – время усиленной пропаганды и внедрения новых обрядов и обычаев в пределах всего СССР. В свадебных церемониях советского периода подобное действие (внесение невесты женихом на руках в дом) также имело место. В связи с этим, естественно, возник вопрос: не новый ли это обычай в данной местности? На что был получен ответ: «Так происходило раньше, так бывает и сейчас»⁵. (Как мы увидим ниже, подобный обычай существовал и у таджиков.)

Если жених является примакон (*ич кияу*), т.е. он входит в дом и семью невесты, то увозить ее ему не приходится. Но и тогда для соблюдения ритуала невесту под кушаюна вывозят из дома. Причем, выезжая из ворот, направляются направо. Сделав круг, возвращаются обратно, у ворот переезжают через разложенный костер и въезжают во двор дома.

В Гурлене, подтверждая особое отношение населения к огню, нам рассказали, что здесь прыгают или переезжают через огонь (костер) не только на свадьбах, но и с целью излечиться от какой-либо болезни, а также после возвращения из далекого путешествия.

Мы уже говорили о том, что Г.П. Снесарев, проанализировавший многие реликтовые верования и обрядовую практику хорезмских узбеков, в которых фигурирует огонь, предположил, что интересующий нас обряд мог быть привнесен в Хорезм более поздними волнами тюркоязычных народов. Однако в этом приходится усомниться, ознакомившись со свадебными обрядами других среднеазиатских народов.

Оказывается, подобный обряд известен таджикскому населению, причем его бытование отмечено и у горных, и у равнинных таджиков. Мало того, у них принято проводить невесту через огонь не только у дома жениха, но и у ее собственного дома перед отъездом к будущему мужу. Приведем несколько примеров. Так, по описанию

О.А. Сухаревой, в кишлаке Шахристан новобрачную перед отъездом (в дом мужа) трижды обводят вокруг костра, разложенного во дворе, в то время как стоящий в дверях отец читает напутственную молитву⁶. По данным Н.А. Кислякова, «В к. Шахристан и в Ягнобе лошадь с сидящей на ней новобрачной обводят вокруг костра, расположенного на дворе или на улице вблизи дома новобрачного»⁷. Е.М. Пещерева отмечает, что при входе новобрачной в помещение (в доме мужа) перед ней жгут растение испанд и кусочки дерева и травы, называемые *чуби роха*, что можно перевести примерно как «щепочка, сор с перекрестка». Это окуривание производится с целью устранения сглаза, который может повредить новобрачной⁸. В работе «Свадьба в ремесленных кругах Каратага» Е.М. Пещерева об этом же моменте свадебных церемоний пишет следующее: «Если ворота в доме жениха высокие, прямо на лошади въезжали во двор, где отец невесты брал ее под уздцы и обводил три раза вокруг разложенного для этой цели костра. В других случаях костер раскладывали перед домом на улице»⁹.

В Пенджикенте и Кштуте у таджиков «во дворе дома новобрачной разводят костер и перед тем как отправиться в путь (в дом мужа) молодую трижды обводят вокруг этого костра»¹⁰. В Кштуте, после того как ее обвели вокруг костра (у дома мужа), она останавливается у порога дома. «В Самарканде молодую везут также обязательно на лошади. Свадебный поезд сопровождают факельщики. Свет факелов, по поверью, отгоняет нечистую силу. Поезд сопровождают товарищи жениха... К моменту приезда к дому мужа во дворе дома разводят костер и новобрачную трижды обводят вокруг него на лошади или, снявши с лошади, обводят пешком»; «В Самарканде молодую снимает муж, несет ее к воротам и передает собравшимся во дворе женщинам...», пишет Н.А. Кисляков¹¹.

Действия с огнем он рассматривает как защитительные или отвращающие акты. Кроме того, он согласен с мнением многих исследователей, связывающих ряд обрядов, в том числе с огнем и очагом, с приобщением новобрачной к родовому культу своего мужа и отторжением ее от родового культа своих предков¹². Нам кажется, что обряды, связанные с огнем и очагом, имеют разное происхождение и смысловое значение.

О.А. Сухарева, описывая свадебную церемонию таджиков Самарканда и его ближайших окрестностей в 20-е годы XX в. (кишлаки Кусохо, Уташих, Ходжа-ахрар), также отметила обряд, связанный с огнем. Действие сначала происходило в доме невесты по окончании обряда бракосочетания и переодевания ее в свадебной комнате перед *чимиликом*, за который потом помещалась невеста. Сюда же после обрядовых действий попадал и жених. Обычно чтица молить (*бехальфа*) или другая женщина обводила зажженными свечами или специальными обрядовыми светильниками *нюкса* (камышинки или палочки с намотанной на них ватой, смоченной в масле) свадебную занавеску и закидывала ее наверх. Затем она трижды обносила огонь вокруг голов новобрачных, как бы отгоняя таким образом злых духов, которые стремятся, уловив момент, навредить вступившим в брак. После этого молодые смотрелись в зеркало. В дом новобрачного молодую везли обязательно на лошади, свадебный поезд сопровождали факельщики. Под пение товарищами молодого свадебной песни с припевом «ёр-ёр» танцы подходили к его дому, где был разведен костер, который должна была трижды объехать молодая. С лошади ее снимал муж, нес к воротам и передавал собравшимся во дворе женщинам. Последние вели новобрачную в комнату молодых и сажали за занавеску¹³.

В Самарканде ритуал обведения невесты вокруг костра (*алоугардон*) перед отъездом в дом будущего мужа был зафиксирован в 80-х годах XX в. этнографом-таджиковедом Р.Р. Рахимовым. Действующими лицами церемонии алоугардон выступали исключительно женщины. Не отрицая очистительной роли огня, его охранительного значения (в данном случае охрана от вредного воздействия на невесту дурного глаза), Р.Р. Рахимов видит смысл этого обряда в том, что невеста, проезжая в дом будущего мужа со своим огнем, приобретает право на обладание семейным огнем и домашним очагом¹⁴.

Традиционное очищение невесты огнем среди узбекского населения и арабов Самаркандского оазиса описано Л.Ф. Моногаровой: «Янга, опекавшая невесту, перенесла три раза две зажженные свечи через веревку чимилдыка, трижды обнесла их вокруг голов молодых. По народному поверью, огонь очищает от "глаза", поэтому старухи на свадьбах стараются обязательно выполнить этот обряд». Есть у нее и более развернутое описание: «При переезде в дом жениха впереди машины, на которой ехала с женщинами невеста, шли факельщики – парни из ее кишлака и пели свадебную песню с припевом "ёр-ёр". У дома жениха машина остановилась, и жених, не без труда отбив невесту у женщин, снял ее с грузовика и поставил на сандал, покрытый бараньей шкурой. Во дворе был зажжен костер. Названная мать и бехальфа обвели три раза невесту вокруг огня, что, по поверью, должно было ее очистить». У арабов невеста, обойдя вокруг костра, в сопровождении родственниц и знакомых шла в комнату и проходила за чимилдык; при этом ее сопровождала названная мать¹⁵. Такой обычай привился и у арабов Таджикистана. Вот как пишет об этом З.М. Мадамиджанова: «Ритуальный костер в свадебных церемониях арабов занимает важное место. Когда молодую увозят из родительского дома, костер во дворе дома ее родителей не зажигают. Однако, в прошлом этот обычай, вероятно, имел место, так как арабы Кобадияна нам говорили, что совсем недавно зажигали костер во дворе дома невесты, но теперь так не делают, а зажигают его только перед домом жениха, когда должна приехать невеста»¹⁶.

По моим полевым материалам, таджикская свадьба в Самарканде в 1965 г. также не обходилась без выполнения обряда очищения огнем невесты. Как и в прежние годы действия разворачивались сначала в доме невесты: после никоха и переодевания, ее сажали за чимилик. Приходил жених; после того как он давал выкуп женщинам со стороны невесты, его провожали за занавеску и ставили рядом с невестой. Бехальфа обводила вокруг голов молодых зеркалом и зажженными пучками трав. После ряда действий новобрачных опять обводили огнем. С огнем мы встречаемся вновь при перевозе невесты на лошади в дом жениха. Перед домом последнего разводят костер и трижды обводят невесту вокруг него. В другой записи, также сделанной в Самарканде, говорится, что новобрачную перевозят в дом мужа ночью. Впереди свадебного поезда идут танцоры, бьют в барабаны, кричат «ёр-ёр». Перед домом отца новобрачного разводят костер. Молодой встречает жену, снимает ее с машины, а затем передает женщинам, которые обводят ее вокруг костра, потом ведут в комнату и сажают за чимилик. Когда молодые остаются одни, в комнате зажигают чирог. И в третьей записи из Самарканды также говорится о костре перед домом новобрачного.

В записи, касающейся не только таджиков, но и узбеков Самарканды, вновь фигурирует костер перед домом жениха. Невесту из родного дома увозят вечером. Жених встречает ее у своего дома, снимает с машины и на руках доносит до костра. Под приветственные возгласы «Хозор аляйк!» невесту водят вокруг костра, затем помещают за чимилик¹⁷.

Данный обряд характерен и для узбеков других территорий, в частности Ферганской долины. В Андижане в 1966 г. костер разжигали у дома жениха. Невесту перевозили вечером, хотя по обычаю это следует делать ночью. По другому сообщению, невесту перевозят поздно вечером, даже ночью. Жених снимает невесту с машины и на руках несет до костра. Затем они вместе обходят вокруг него, и жених несет невесту в комнату молодых. В Намангане он встречает невесту на крыше своего дома, во дворе которого горит огонь. В Маргилане костер разжигают и у дома невесты перед ее отъездом из родительского дома. У дома жениха опять происходит действо с огнем¹⁸.

В городе Карши Кашкадарьинской обл. в 1967 г. в обновленном свадебном церемониале обряд с огнем не соблюдали, но в традиционном варианте свадьбы он обязателен. Свадебный поезд здесь сопровождают факельщики. Перед домом жениха разжигают три костра. Жених снимает невесту с лошади и обносит ее по одному разу вокруг каждого костра. Бехальфа в это время читает Салом-нома. У дома опять

происходит чтение Салом-нома, пение «ёр-ёр». Бехальфа произносит «Хозор аляйк!» и все присутствующие повторяют это приветствие. Невесту окуривают дымом растения адрасман и усаживают за чимилик. В Камашинском р-не этой области в комнате молодых чирог не гасят до 40 дней. Во время другой беседы о каршинских узбеках выясняется, что во время переезда, который совершается ночью, невеста держит в руках факел. Ожидающие ее гости со стороны жениха, услышав приближение арбы или лошади, на которой едет невеста, говорят: «Келин едет». Во дворе дома жениха в трех местах разжигают костры. Выходят женщины. Жених снимает с лошади невесту, обходит с ней вокруг костров и несет ее до двери дома. Мулла провозглашает «Хозор аляйк!», после чего невесту помещают за чимилик. В Шахриябзском р-не Кашкадарьинской обл. в 1967 г. невесту перевозили на машине часов в 9–10 вечера, вместе с ней везли зеркало. Во время движения свадебного поезда танцевали, пели «ёр-ёр» и современные песни. Перед домом жениха обязательно горел костер. Жених, держа на руках невесту, обходил его. Две женщины бросали под ноги невесте *поёндоз* (подножие), читали Салом-нома. После этого невеста шла за чимилик¹⁹.

В материалах Б.Х. Кармышевой (1957 г.) имеется запись о селении Муминобад Шахриябзского р-на: «Для освещения в прошлом служил кара-чирог – чугунный светильник. В настоящее время за ним сохранилось ритуальное значение – его зажигают во время проводов невесты в дом жениха. Его в зажженном виде несут до самого дома жениха, а затем ставят куда помещается невеста»²⁰.

На территории Узбекистана свадебный обряд очищения огнем невесты был широко распространен, видимо, даже у скотоводческого в прошлом населения, причем в необычных в сравнении с описанными формах. У локайцев, например, через такой обряд проходит и жених, когда после никоха, совершавшегося в доме невесты, новобрачного вводили к новобрачной. Поднося подарки ее матери и сестре, он перед дверью комнаты перешагивал через костер для «очищения огнем». Женщина, зажигающая костер, получала от него отрез (*от чагар*). Затем следовало множество выкупов, что так характерно для казахской, киргизской и каракалпакской свадьбы. Когда новобрачный входил в комнату, одна из женщин ставила зажженный светильник на деревянное блюдо и обводила им вокруг его головы, за что также получала отрез – очередной выкуп женщине, зажигающей светильник (*чъраг айналдърар* или *чъраг чагар*). После уплаты калыма новобрачную вводили в дом мужа; перед которым молодая переступала через костер.

Обряд с огнем зафиксирован и у тохчионских карлуков (кишлак Ташкалак Регарского р-на, 1955 г.). Перед дверью дома жениха раскладывают небольшой костер, вокруг него трижды обводят лошадь, на которой сидит невеста. Когда невесту снимают с лошади, под ноги ей стелят *поёндоз*²¹.

Подобный обряд мы обнаружили и у уйгуров Казахстана. Он вывезен ими, видимо, с других территорий их пребывания, так как заимствование его у казахов вряд ли возможно, ввиду того что у последних такой обычай отсутствовал. Как говорит автор данного сообщения, по прибытии молодую с арбы снимал муж. К приезду новобрачной перед воротами дома родителей молодого зажигали костер, вокруг которого трижды обводили новобрачных. По поверьям, этот обряд должен был предохранить супругов от невзгод и принести им семейное счастье²².

Приведенные примеры, касающиеся таджиков и издавна оседлых узбеков, не знаящих родовой принадлежности, т.е. тюркизированного в прошлом ираноязычного населения земледельческих оазисов, позволяют связывать происхождение обряда очищения огнем невесты в свадебных церемониях, в том числе хорезмских узбеков, не с тюркоязычным, как предполагал Г.П. Снесарев, а с ираноязычным миром. Тем не менее попытаемся проверить и тюркскую линию в происхождении данного обряда у хорезмских узбеков, с которых мы и начали наш разговор.

В этнической истории хорезмских узбеков большую роль сыграли огузские и кипчакские элементы. Поэтому для выяснения интересующего нас вопроса о происхождении обряда с огнем обратимся к свадебным церемониям туркмен и казахов,

поскольку основу этногенеза первых составляет огузский компонент, а вторых – кипчакский.

Обряд с огнем при перевозе невесты в дом жениха у туркмен встречается, но распространен не везде, а лишь у отдельных групп – например, у туркмен-емрели. Описывают его так: «При приближении свадебного поезда перед домом жениха разжигали костер. По традиции, верблюда, на котором сидела невеста, трижды обводили вокруг костра, чтобы невеста была здорова, и приводили к дому»; «Обычай водить верблюда с кеджебе, в котором сидела невеста, вокруг костра, – по мнению туркменского этнографа А. Теджова, изучавшего туркмен-емрели, – является специфическим для данной группы туркмен, отличает ее от других групп»²³.

Другой случай соблюдения интересующего нас обряда зафиксирован у хорезмских иомудов. Действия с огнем у них также происходили у дома жениха. «Неподалеку от дома мать жениха разводила костер, через который обязательно должен был перешагнуть верблюд с кеджебе, в котором сидела невеста»²⁴. В примечаниях автор этого текста пишет, что, согласно другой информации, через костер перешагивал не верблюд, а сама невеста. У тахтинских иомудов свадебный поезд иногда встречали с факелами. Сообщений о существовании такого обряда среди других групп туркмен мы не встречали. Что же касается приведенных выше примеров, то им, на наш взгляд, можно дать объяснение.

Емрели относится к тем группам туркмен, в этногенезе и культуре которых значителен пласт древнего ираноязычного населения²⁵. Иными словами, возможно, обряд переводить невесту через огонь – это след культуры древнейшего ираноязычного населения территории расселения этой группы туркмен, а не влияние культуры огузов. Что касается хорезмских туркмен, то здесь вполне можно допустить влияние культуры хорезмских узбеков, у которых данный обряд даже в середине XX в. и позже был отмечен повсеместно. Подобное влияние распространяется, видимо, и на каракалпаков, живущих в пределах Хорезмского оазиса не одно столетие. У них, по данным этнографа А.Г.Бекмуратовой, «когда новобрачная шла к дому мужа, соблюдался обряд "от атлау" – прыгание через костер – "очищение огнем", чтобы ее не сглазили и чтобы все несчастья ушли от нее»²⁶. Однако другие авторы такого обычая у каракалпаков не отмечают²⁷. Последнее согласуется с нашими полевыми материалами 1950-х годов из Кегейлинского, Кунградского и Муйнакского районов Каракалпакии, в которых отмечается, что во время свадьбы ни у дома невесты, ни у дома жениха не разжигают костров, через которые бы переезжала свадебная арба с невестой²⁸.

Тем не менее автору статьи все-таки пришлось столкнуться с данным обрядом в Муйнакском р-не на одном из островов Аральского моря (возможно, теперь он уже не существует) – Карабойлы, причем у казахского населения, что является, очевидно, очередным примером культурного заимствования. Здесь зафиксировано соблюдение населением свадебного обычая переезда невесты через огонь. На этом острове известен и другой свадебный обычай: когда невесту ведут в юрту, в очаге жгут масло, что свидетельствует о принятии ее в род жениха²⁹. Это обрядовое действие, упоминавшееся и авторами, писавшими о каракалпакской свадьбе, характерно для казахской и киргизской свадьбы. Каракалпакские свадебные обычаи и обряды во многом схожи с казахскими, у казахов же на основной территории их проживания обряда очищения невесты огнем нет. Для нас это очень важно, поскольку нам надо выяснить его происхождение.

В основе этнической истории и культуры казахов лежит кипчакский пласт. Отсутствие у них обряда очищения огнем невесты может свидетельствовать о том, что он не кипчакского происхождения. Кстати, нет его и у киргизов. У них и у казахов известен упоминавшийся выше обряд приобщения молодой к роду мужа и очагу его дома. Во время введения в дом мужа новобрачная выливает в разложенный в середине юрты огонь или в очаг растопленное сало (у казахов) или бросает в огонь кусок сала (у киргизов). У последних этот обряд называется *отко киргизу*³⁰.

Возвращаясь к теме хорезмских узбеков, приведенные примеры можно рассматривать как свидетельство того, что происхождение обряда очищения огнем невесты не связано ни с огузским, ни с кипчакским компонентами их культуры. То обстоятельство, что обряд перевоза невесты через огонь встречается на всей территории Хорезмского оазиса, говорит, на наш взгляд, скорее о том, что своим происхождением он обязан древнему ираноязычному населению этой территории (древним хорезмийцам) – общему этническому пласту для всего населения Хорезма, а не последующим тюркоязычным волнам, как предполагал Г.П. Снесарев, – в данном случае огузам и кипчакам.

Если сравнить сведения об обряде переведения невесты через огонь у хорезмских узбеков и узбеков других территорий, таджиков, туркмен, каракалпаков, то получится следующая картина: у хорезмских узбеков он распространен по всей территории оазиса (получены данные во всех районах при проведении сплошного обследования) и везде в одной и той же форме: переезд свадебной арбы через костер происходит всегда у дома жениха. На территории Узбекистана этот обряд распространился, очевидно, достаточно широко (по нашим материалам, в Ферганской долине, Кашкардаринской обл.) и не только среди издревле оседлого населения. Через огонь невеста здесь переезжает преимущественно у дома жениха. Рассматриваемый обряд отмечен и у карлуков, локайцев, причем у последних в необычной форме – очищению огнем у них подвергается и жених.

Что касается таджиков, то сведений среди них собрано не меньше, хотя здесь не проводилось сплошного обследования. В этом регионе интересующий нас обряд встречается в двух вариантах: в одних местностях он проводится перед домом жениха (как в Хорезме), в других – у дома невесты перед отъездом ее в дом жениха. И тот и другой варианты известны как у горных, так и у равнинных таджиков. У разных авторов этот обряд даже в одной местности (Самарканд) описан неодинаково. По сведениям Н.А. Кислякова, он происходил у дома жениха, Р.Р. Рахимова – у дома невесты, по нашим материалам – у дома жениха. У Н.А. Кислякова встречается также сообщение, что в Кштуте данный обряд проводится то у дома невесты, то у дома жениха. Эти расхождения наводят на мысль, что, возможно, когда-то обряд очищения огнем невесты совершался и перед отъездом из родительского дома, и по прибытии к дому жениха, около его дома. На это указывают также обряд, зафиксированный в узбекском Маргилане, и обряды таджикостанских арабов. Разноголосица объясняется, видимо, с одной стороны, постепенным изживанием этого обряда, а с другой – возможно, переосмыслением его содержания, в современных условиях сводящегося только к очистительной и оберегающей функциям (особенно ясно это видно на примере локайцев). Кстати, такое переосмысление, точнее сужение, функций произошло и с отношением к огню в обычае *чаршамбеи-охирун* (последняя среда) или *сафар-качты* (сафар убежал)³¹.

Каковы же все-таки истоки обряда очищения огнем невесты? Нам они представляются очень древними, связанными с периодом индоиранской общности в идеологии и культуре населения Хорезма.

Нам уже приходилось говорить о поразительном сходстве свадебного комплекса Южного Хорезма со свадебным обрядом, зафиксированным в ведической религиозной литературе³². Отдельные моменты этого обряда запечатлены на серебряной чаше, найденной в 1903 г. в Кустанайском р-не б. Актюбинской обл. Ее происхождение связано, по мнению К.В. Тревер, с территорией Бактрии (исследовательница датирует ее III в. до н.э.)³³, по мнению С.П. Толстова с Тохаристаном³⁴. К.В. Тревер прокомментировала сюжеты сцен, изображенных на этой чаше, сопоставив их с текстами гимнов Ригvedы, Атхарведы и Грихья-Сутры³⁵ (цитаты из текстов гимнов даем по работе К.В. Тревер).

Из текста этих гимнов, считает К.В. Тревер, видно, что свадебные церемонии представляли собой как бы повторение тех обрядов, которыми сопровождался воспелый в Ведах брак Сомы и Сурьи (луны и солнца), служивший божественным прообразом всякой земной свадьбы. Фигуры на этой чаше можно рассматривать в двух

плоскостях: и как изображения ведийских божеств, участвующих в свадебных обрядах, и как изображения сцен земной свадьбы. Опустив божественную трактовку изображения, центром которого была богиня-мать земли, растительности, влаги, плодородия и силы – одна из ипостасей Иштари-Анахит-Нанайи-Дхишана, рассмотрим свадебный обряд, происходивший на земле.

Центральная фигура в сценах на чаше – невеста, торжественно сидящая с поджатыми ногами. Повествование начинается этой фигурой и ею же заканчивается. Таким образом, невеста воплощает на земле богиню плодородия, является ее земным двойником. Согласно обряду, невеста сидит у священного огня, зажженного вне дома, по обе стороны от нее изображены как бы охраняющие ее отец (или брат) в шлеме и брат с копьем и щитом: концом меча (или копыя) брат или отец должен по обряду коснуться головы невесты и при этом спеть: «Будь госпожею над свекром, будь госпожею над свекровью, госпожею над деверем, госпожею над золовкой»³⁶. В это время один из участников свадьбы «наполняет чашу... водою... обойдя с нею вокруг огня... останавливается... Другой участник со стрекалом в руке повторяет обход огня и также останавливается у огня»³⁷. Юноша в плаще с чашей и юноша со стрекалом – это перенесенный на землю образ божественных Ашвинов – сватов.

Следующая обрядовая сцена изображена слева от группы у огня: это один из основных моментов свадьбы. Жених берет невесту за руку и, произнося слова: «Как Агни коснулся длани земли, так этой руки касаюсь и я; не дрожи... жена ты мне по праву, и я – господин дома твоего»³⁸, трижды обводит ее вокруг священного огня. В дом жениха невесту перевозит дружка со стрекалом в руках, которым он погоняет волов, запряженных в колесницу. По Сутре, он должен вести ее за руку, говоря: «Пусть Бхака уведет тебя отсюда, держа тебя за руку; оба Ашвина пусть повезут тебя в колеснице своей: войди в дом, будь хозяйкой в нем, с любвеобильным сердцем приступай к владению им»³⁹. Далее на чаше изображено действие, совершаемое у дома жениха и отраженное в словах, с которыми он обращается к невесте: «Наступи на этот камень; как камень будь тверда. Уничтожай тех, кто пытается причинить тебе зло, побеждай врагов»⁴⁰. Во время этого обращения невеста должна наступить «кончиком правой ноги на камень»⁴¹, изображенный на чаше. Около дома жениха невесту встречает его дружка с полной чашей в руках и вновь трижды обводит ее вокруг огня, говоря: «С кротким взором мужу не причиняющая зла, благая, сильная, хозяйка хорошая, сыновей-героев рождающая, свекру и свекрови преданная, живи на благо нам»⁴². Когда невеста обходит огонь, «свекор и свекровь глядят на нее»⁴³. Затем жених вводит невесту в дом со словами: «Перешагни (порог) правой ногой вперед; не останавливайся на пороге»⁴⁴. В доме жениха ее сажают на «шкуру быка», «разложенную шеей на восток и мехом наружу»⁴⁵. (В свадебных гимнах часто упоминают шкуру быка или ковер из нее: на них усаживают невесту для обеспечения семье богатства и потомства⁴⁶). После этого жених дает невесте в правую руку «иглу дикобраза и шнурок из трех скрученных нитей, а в левую – зеркало»⁴⁷. Затем, в то время как невеста сидит лицом на восток, жених, стоя лицом на запад, произносит слова: «Пусть Праджapati дарует нам потомство»⁴⁸ и совершает возлияния⁴⁹. После этого он распускает два локона невесты, говоря: «Я освобождаю тебя от уз Варуны», а потом иглой дикобраза разделяет их на пробор, начиная со лба, и «сажает к ней на колени ребенка, сына женщины, имеющей только сыновей, которые все живы»⁵⁰.

Согласно исследованию К.В. Тревер, на серебряных чашах, которые, возможно, преподносили молодоженам как символ брака, изображен весь цикл свадебных обрядов⁵¹.

Сравнивая свадебную церемонию южнохорезмских узбеков и издавна оседлых узбеков других территорий, а также таджиков с древнеиндийской, зафиксированной в ведической литературе, поражаешься их удивительному сходству (об этом нам уже приходилось писать⁵²). Тут и неоднократное обведение по три раза невесты вокруг священного огня или переход через огонь (сначала до переезда в дом мужа, потом у его дома) и шкура быка, на которую сажают невесту, и зеркало – символ счастья,

богатства, согласия, увеличения плодovitости и в целом жизненных сил, а также охранительной магии, и ребенок от многодетной женщины, и изменение прически невесты, и др. Следует добавить, что совокупность обрядовых действий, предшествующих обряду очищения огнем невесты и следующих за ним, у современных таджиков и оседлых узбеков также одинакова. Это дает нам возможность и право привлекать для сравнения с древнеиндийским и эти особенности их обрядов: невесту при переезде накрывают накидкой, лицо занавешивают белой кисеей, по приезде ее помещают за ритуальную занавеску, при встрече с женихом дают посмотреть в зеркало, сажают ей на колени детей от многодетной женщины и т.д. — все это элементы комплекса обрядовых действий, характерных для древнеземледельческого ираноязычного населения Средней Азии⁵³. Носителями этого комплекса являются таджики и узбеки, не помнящие своей родовой принадлежности, к которым относятся и хорезмские узбеки. Частично он был воспринят и другими группами узбекского населения — в частности, локайцами, карлуками и, очевидно, иными народами, сведений о которых мы не имеем. Свадебный обряд локайцев в целом по многим своим показателям принадлежит к другому свадебному комплексу, свойственному казахам, киргизам, каракалпакам, дештикипчакским узбекам⁵⁴. Но у локайцев появились не характерные для перечисленных народов обряды с зеркалом и очищения огнем не только невесты, но и жениха. В локайской традиции отчетливо проступает очистительная функция этого действия.

В интересующем нас обряде с огнем в свадебном церемониале, бытовавшем в середине XX в. у хорезмских узбеков, и у других их групп, а также у таджиков, часто обнаруживаются детали, отмеченные и в древнеиндийском обряде. Так, наряду с сообщениями о переезде свадебной арбы через костер встречаются и упоминания о том, что жених сам обводит невесту вокруг костра. Очень часто говорится, что огонь надо обойти или объехать трижды; встретилось утверждение, что невеста должна ступить на келин-арбу именно правой ногой. Со сведениями о двухкратном (у дома невесты и у дома жениха) переводе невесты через огонь, причем каждый раз трижды, мы встретились в некоторых сообщениях о свадебных церемониях таджиков, маргиланских узбеков и арабов Таджикистана.

Итак, нам представляется, что истоки анализируемого обряда очень древние. Связаны они с периодом индоиранской общности. Сходные черты в жизни населения древневосточных цивилизаций, охватывавших территорию Ирана, Средней Азии и Индии, определялись общими формами хозяйства и уровнем культуры, единообразием религиозных представлений, постоянным культурным общением с доисторической эпохи. В Южном Хорезме благодаря его известной замкнутости древний вариант обряда сохранился может быть полнее, но это вопрос спорный, поскольку сведения, полученные нами в ряде регионов Узбекистана, свидетельствуют о широком бытовании обряда очищения огнем невесты.

Содержание этого обряда по сравнению с его древнейшими формами, видимо, упростилось. Обряд утратил свое былое значение в качестве освящающего брак с желанием потомства и достатка семье, хороших взаимоотношений и т.д. Сохранились лишь его охранительная и очистительная функции. С подобным явлением, как упоминалось, мы встречаемся при знакомстве с широко известным в Средней Азии, в частности в Хорезме, реликтом праздника огня, называемом ныне чаршамбеи-охирун (его узбекская версия — сафар-качты), сопровождающимся зажиганием костров и перепрыгиваем через них. Праздник огня, в прошлом связанный с новогодним, стимулирующий плодотворные силы земли, не лишенный и охранительно-очистительной функции, в процессе мусульманизации края превратился в обряд очищения и предохранения людей от разных бед⁵⁵. Об этом обычае разжигания костров у всех народов, знающих его (таджиков, узбеков, туркмен), существует мнение, что он связан с былым огнепоклонничеством. Обряд очищения огнем невесты на свадьбе информаторы в большинстве своем не связывают непосредственно с огнепоклонничеством, хотя в Хорезме встретилось мнение, прозвучавшее из уст муллы и одного уважаемого старика, что все

действия, связанные с огнем, являются остатками поклонения огню – *утган тобинган дан колган*. *Расмий одат булиб колган* (остатки огнепоклонничества. Это стало обычаем)⁵⁶. Если с чаршамбей-охирун представители мусульманского культа и даже государственные деятели в прошлом пытались вести борьбу, то обращение к огню в свадебном обряде, как и при заболевании человека или скота, при бесплодии женщин, в шаманском лечении и т.д. по сей день не вызывает протеста у служителей ислама. И таких реликтовых явлений древних религиозных верований, уживающихся с правоверным мусульманством, в быту хорезмских узбеков, как и других народов Средней Азии, достаточно много. Более того, все они населением часто воспринимаются как исламские.

Примечания

¹ *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 195. Предположение о связи этого обряда с зороастризмом высказывали Н.А. Кисляков и Н. Негматов (см.: *Кисляков Н.А.* Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары» как этнографический источник // Тр. АН ТаджССР. Т. XXVII. Сталинабад, 1954. С. 60; *Негматов Н.* Уерушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1956. С. 76–77).

² Архив ИЭА. Полевые материалы Узбекского этнографического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Начальник Г.П. Снесарев. 1955–1958 гг., собиратель Г.С. Куртмуллаева (Гурленский, Шаватский, Хивинский, Янгиарыкский районы Хорезмской обл. Узбекистана; Бирунийский (Шаббазский) р-н Каракалпакии, Куны-Ургенчский р-н Туркмении); 1956 г., собиратель Н.П. Лобачева (Хазараспский р-н Хорезмской обл. Узбекистана, Кипчакский р-н Каракалпакии); 1968 г., научная командировка в Хорезмскую обл. Узбекистана, собиратель Н.П. Лобачева.

³ См.: *Лобачева Н.П.* Свадебный обряд хорезмских узбеков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. XXXIV. М., 1960.

⁴ Полевые материалы Узбекского этнографического отряда, собиратель Г.С. Куртмуллаева, 1955 г., Ханка.

⁵ Материалы, собранные автором в ходе научной командировки в Хорезмскую обл. Узбекистана, 1968 г.

⁶ *Сухарева О.А.* Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан // Сб. научного кружка Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. Вып. I. Ташкент, 1920. С. 82.

⁷ *Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX – начала XX века. М.: Л., 1959. С. 112.

⁸ См. там же. С. 114.

⁹ *Пещерева Е.М.* Свадьба в ремесленных кругах Каратага // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 185.

¹⁰ *Кисляков Н.А.* Указ. раб. С.131.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 187–188, 195.

¹³ *Сухарева О.А.* Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // Сов. этнография. Сб. статей. М.; Л. 1940. Т. III. С. 175–176.

¹⁴ *Рахимов Р.Р.* Традиционное мировоззрение таджиков. проблемы образов и символов в культуре: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.

¹⁵ *Моногарова Л.Ф.* Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1989. С. 234–235.

¹⁶ *Мадамиджанова З.М.* Арабы Южного Таджикистана (Историко-этнографические очерки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 18.

¹⁷ Материалы, собранные автором в ходе научной командировки в Узбекистан, 1965 г.

¹⁸ То же, 1966 г.

¹⁹ То же, 1967 г.

²⁰ Материалы, собранные Б.Х. Кармышевой, 1957 г.

²¹ То же, 1955 г.

²² *Ходжаева Р.Д.* Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. III. Этнография. Алма-Ата, 1956. С. 237.

²³ *Теджов А.* Свадебные обряды туркмен-емрели в конце XIX – начале XX в. // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад, 1989. С. 63, 67.

²⁴ *Васильева Г.П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 300.

²⁵ *Васильева Г.П.* Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977.

²⁶ *Бекмуратова А.Г.* Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970. С. 76.

²⁷ См.: *Есберенов Х., Атамуратов Т.* Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975.

²⁸ Архив ИЭА. Полевые материалы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Начальник Т.А. Жданко, собиратель Н.П. Лобачева. 1957 г. Кегейлинский, Кунградский, Муйнакский районы.

²⁹ Полевые материалы Каракалпакского этнографического отряда, собиратель Н.П. Лобачева, 1958 г. Муйнакский р-н, о-в Карабойлы.

³⁰ *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 113, 118. Обряд «очищение огнем» невесты ошибочно включен нами в комплекс свадебных обычаев и обрядов казахов, киргизов, каракалпаков. (См.: *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 315, 324, 326–327).

³¹ См.: *Лобачева Н.П.* Огни сафара в Хорезме (О забытых праздниках) // Этнограф. обозрение. 1995. № 5.

³² См.: *Лобачева Н.П.* Свадебный обряд хорезмских узбеков.

³³ *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.: Л., 1940. С. 21.

³⁴ *Толстов С.П.* Новые археологические открытия в связи с некоторыми проблемами древней Индии: Доклад, прочитанный на научном конгрессе в Мадрасе в январе 1958 г.

³⁵ *Тревер К.В.* Указ. раб. Табл. 15–17. С. 71–81.

³⁶ Там же. С. 76. (Ригведа).

³⁷ Там же. (Грихья-Сутра).

³⁸ Там же. Аттарваведа.

³⁹ Там же. (Каушика-Сутра).

⁴⁰ Там же. (Грихья-Сутра).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. (Каушика-Сутра).

⁴³ Там же. (Атхарваведа).

⁴⁴ Там же. (Грихья-Сутра).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. (Каушика-Сутра).

⁴⁷ Там же. (Грихья-Сутра).

⁴⁸ Там же. (Грихья-Сутра; Ригведа).

⁴⁹ Там же. (Грихья-Сутра).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С.78.

⁵² См.: *Лобачева Н.П.* Свадебный обряд хорезмских узбеков.

⁵³ *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы ... С. 324, 326–329.

⁵⁴ Там же. С. 315, 326–329.

⁵⁵ См.: *Лобачева Н.П.* Огни сафара в Хорезме; *ее же.* Последняя среда месяца сафар // Календарно-праздничная культура народов зарубежной Азии: традиции и инновации. М., 1997.

⁵⁶ Полевые записи Узбекского этнографического отряда, собиратель Г.С. Куртмуллаева, 1955 г. Ханки.

N. P. L o b a c h e v a. From the history of beliefs, ceremonies and rites: fire in the wedding rites complex of the Khorezm Uzbeks (as based on the materials of the mid-20th century)

The article's matter concerns the Khorezm Uzbeks' wedding rite of purifying brides with fire, its origins and spreading over the Central Asian area. The similarity of the wedding rites of the Tajiks, the long since sedentary Uzbeks to the Old Indian one, the latter having been registered in the Vedic religious literature, allows connecting the rite's origins with the period of the Indo-Iranian community.